

УДК 94(47).031

UDC

DOI: 10.17223/18572685/70/4

«Идоша ко батыеви»: «ордынская» дипломатия Даниила и Василька Романовичей в 40–50-х гг. XIII в.

Л.В. Воротынцев

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Россия, 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

E-mail: leonrus1245@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются дискуссионные вопросы дипломатических контактов галицко-волинского княжеского дома с представителями правящей элиты Улуса Джучи, а также делается попытка проследить динамику изменений административно-политического статуса Галицко-Волинской земли в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды) в 40–50-х гг. XIII в. На основании сравнительно-исторического анализа сообщений русских летописей, а также информации, содержащейся в ряде европейских и мусульманских источников, сделан вывод о том, что отношения Романовичей с Джучидами носили многоуровневый характер, сопровождавшийся как дипломатическими контактами представителей правящих элит, так и военными конфликтами (т.н. «Татарской» или «Куремсиной ратью»), а также акциями военно-политического давления (походы Бурундая). В результате к концу 50-х гг. XIII в. происходит окончательное оформление вассально-даннических отношений галицко-волинского княжеского дома с династией Джучидов, также сопровождавшейся участием дружин Романовичей в военных мероприятиях монголов против восточноевропейских государств (Венгерского королевства, Литовского княжества, княжеств Южной Польши).

Ключевые слова: Даниил и Василько Романовичи, Монгольская империя, Улус Джучи, Бату, Куремса, Мауци, политико-дипломатические контакты

“Idosha ko batyevi”: The “Horde” diplomacy by Daniel and Vasylo Romanovych in the 1240-50s

L.V. Vorotyntsev

Yelets State Ivan Bunin University
28 Kommunarov Str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia
E-mail: leonrus1245@mail.ru

Abstract

The article discusses the controversial issues of diplomatic contacts of the Kingdom of Galicia–Volhynia with representatives of the Ulus of Jochi ruling elite and attempts to trace the dynamics of changes in the administrative and political status of Galicia–Volhynia in the state system of the Mongolian Empire and the Jochi Ulus (Horde) in the 1240-50s. Based on a comparative historical analysis of the Russian chronicles, as well as the information from some European and Muslim sources, the author concludes that the relations of the Romanovichi with the Jochids were of a multi-level nature and included both diplomatic contacts and military conflicts (the so-called “Tatar” or “Kuremsa” army) and military and political pressure actions (Burundai’s campaigns). As a result, the late 1250s saw a final formalization of the vassal-tributary dependence of Galicia–Volhynia on the Jochi dynasty, with the participation of the Romanovich squads in the military activities of the Mongols against the Eastern European states (the Kingdom of Hungary, the Principality of Lithuania, the principalities of Southern Poland).

Keywords: Daniel and Vasylo Romanovich, Mongol Empire, Ulus of Jochi, Batu, Kuremsa, Mautsi, political and diplomatic contacts

Одним из результатов военных кампаний Западного похода монголов (1236–1242 гг.) стало вхождение ряда княжеств Северо-Восточной и Юго-Западной Руси в государственную систему Монгольской империи и Улуса Джучи (Орды). Вместе с тем следует отметить, что процесс интеграции русских земель в административно-территориальную структуру империи Чингизидов не являлся единовременным событием и имел ряд региональных особенностей, обусловленных спецификой ландшафтно-географического расположения отдельных земель, политическим статусом русских князей в государственной структуре Монгольской империи и Улуса Джучи, а также особенностями личных отношений между представителями правящих элит русских княжеств и Джучидами. Целью представляемого исследования является изучение процесса становления системы политико-дип-

ломатических связей Даниила и Василька Романовичей с правящей элитой Улуса Джучи в 40–50-х гг. XIII в.

Рассматривая проблему определения административно-политического статуса уделов Романовичей в государственной системе Монгольской империи и Улуса Джучи на начальном этапе становления политической зависимости, следует отметить весьма незначительный объем сведений о политико-дипломатических связях галицко-волинского княжеского дома с военно-политической элитой Джучидского государства, имеющийся как в древнерусских, так и в зарубежных письменных источниках. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным применение в исследовании методов сравнительно-исторического анализа и исторического моделирования с целью составления максимально полной и объективной картины исторических событий. Указанные методы предполагают использование максимально широкого круга аутентичных изучаемому периоду источников, имеющих отношение не только к истории Юго-Западной Руси и соседних с ней государств, но также и Монгольской империи, имевшей унифицированную систему дипломатических отношений с зависимыми государствами, располагавшимися на ее периферии.

Следует отметить, что южнорусские летописные источники, описывая события происходившие в Галицко-Волинской земле в период с 1241 по 1245 г. (подавление враждебных Романовичам боярских группировок, нейтрализация военных угроз со стороны претендента на галицкий стол – Ростислава Михайловича Черниговского и поддерживавших его соседних государств (Венгерского королевства и польских княжеств), карательный поход против болховских князей) [35: 789, 790, 792, 795, 796, 797], не отмечают какого либо вмешательства Джучидов в перечисленные эпизоды военно-политической жизни Галицкого и Волинского княжеств. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранении Даниилом и Васильком полного государственного суверенитета в первые годы после монгольского нашествия. Аналогичный статус независимых от монголов государств сохранили также подвергшиеся военному разгрому соседние с владениями Романовичей Венгерское королевство и ряд польских княжеств (Силезия, Малая Польша, Куявия).

Согласно гипотезе А.В. Майорова, поддержанной канадским исследователем М. Димником, первые контакты Романовичей с одним из участвовавших в Западном походе представителей «золотого рода» следует датировать осенью 1239 г. По мнению исследователей, разгром монгольскими войсками Черниговского и Переяславского княжеств (1239 г.) и выход туменов Чингизидов к границам Киевской земли, находившейся на тот момент времени в зоне политическо-

го влияния галицко-волынського княжеского дома, поставил перед правящей элитой княжества вопрос о вариантах противодействия военной угрозе, возникшей на восточных рубежах владений Даниила и Василька [4: 18; 18: 311–326; 19: 33–94; 20: 53–77; 21: 97–98; 22: 49–52].

Вместе с тем характер и результаты этой гипотетической встречи встречи остались неотмеченными как в русских, так и европейских письменных источниках. Данное обстоятельство не позволяет сделать однозначные выводы о заключении неких политических соглашений между галицким князем и одним из монгольских «царевичей».

Следует отметить, что южнорусские летописные источники, описывая события, происходившие в Галицко-Волинской земле в период с 1241 по 1245 г. (подавление враждебных Романовичам боярских группировок, нейтрализация военных угроз со стороны претендента на галицкий стол – Ростислава Михайловича Черниговского и поддерживавших его соседних государств (Венгерского королевства и польских княжеств), карательный поход против болховских князей) [33: 789, 790, 792, 795–797], не отмечают какого-либо вмешательства Джучидов в перечисленные эпизоды военно-политической жизни Галицкого и Волинского княжеств. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранении Даниилом и Васильком полного государственного суверенитета в первые годы после монгольского нашествия. Аналогичный статус независимых от монголов государств сохранили также подвергшиеся военному разгрому соседние с владениями Романовичей Венгерское королевство и ряд польских княжеств (Силезия, Малая Польша, Куявия).

В данном контексте особый интерес представляет последовательность событий, приведших к признанию Романовичами политической зависимости от Джучидов. Первое упоминание о поездке Даниила Галицкого к некоему «принцу Тартар» содержится в жалованной грамоте венгерского короля Белы IV, датируемой 1244 г. [40: 100–102]. Однако краткость сообщения оставляет вопросы о времени поездки Даниила и идентификации «татарского принца» в сфере предположений исследователей.

В частности, А.В. Майоров идентифицирует указанного в грамоте монгольского аристократа как внука Чингис-Хана и сына Тулуя – Менгу (Мункэ), возглавлявшего, согласно сообщению Ипатьевской летописи, монгольский корпус, подходивший в 1239 г. к окрестностям Киева [20: 71; 33: 782]. По мнению историка, именно в его ставку был совершен визит галицкого князя. Уязвимость данной гипотезы заключается в большом временном разрыве между составлением грамоты Белы IV, выданной 22 апреля 1244 г. Николаю сыну Обичка

из Суд и событиями 1239 г. Представляется крайне маловероятным отражение потерявших актуальность событий пятилетней давности в «письменном отчете» (*in nostra legacione profectus*), составленном дипломатом венгерского короля по следам недавних событий посольской миссии Николая из Суд «в земли Руси и Болгарии» (*ad partes Ruscie et d partes Bulgarie*).

В свою очередь В.С. Стефановичем была высказана гипотеза, согласно которой поездку Даниила в монгольские владения следует датировать периодом с середины 1242 по начало 1244 г., а под «князем татар», по мнению исследователя, следует понимать Мауци (Могучея русских летописей) [24: 122–123]. Вместе с тем необходимо отметить, что предположение В.С. Стефановича об идентификации «принца Татар» (*Tartarorum princeps*) как «держателя» улуса в Днепровском Левобережье не подкреплено какой-либо аргументацией и является лишь гипотетическим предположением историка. Более вероятным представляется посещение Даниилом Романовичем ставки Куремсы, монгольского наместника улуса, непосредственно граничившего с восточноевропейскими государствами, включая Галицко-Волынские земли [30: 69].

Заслуживает внимания и тот факт, что согласно сообщению Плано Карпини, получение «охранных грамот» для дальнейшего следования посольства Апостольского престола и делегации «господина Даниила» (Галицкого. – В.Л.) накануне визита правителя Галича в ставку Бату (1245 г.), происходило через представителей волынского князя, доставивших проездные документы от «татар» [30: 66]. Данное сообщение папского дипломата является прямым свидетельством наличия налаженной системы дипломатических контактов между Василько Волынским и представителями правящей верхушки Улуса Джучи, вероятно, сложившихся уже в первой половине 40-х гг. XIII в. Однако, в силу отрывочности и краткости сообщения Плано Карпини, представляется затруднительным определить интенсивность волынско-ордынских политических связей в данный период времени.

Первое зафиксированное в летописи монгольское посольство с требованиями политического характера приходит в Галич лишь в 1245 г. [33: 805–806]. Особого внимания заслуживает тот факт, что дипломатическая миссия была направлена ко двору галицкого князя не из ставки главы Джучидов – Бату, и не от Куремсы, улусные владения которого включали в себя земли к западу от Днепра, а от Мауци (Mauchi, Могучея), являвшегося, согласно сообщению Плано Карпини, держателем улуса в Левобережном Приднепровье, не имевшем общих границ с уделами Романовичей [30: 70].

К настоящему времени в исторической науке не имеется одноз-

начного мнения относительно принадлежности Куремсы и Мауци к правящей династии Монгольской империи.

Согласно гипотезе В.П. Костюкова, разделяемой Р.Ю. Почекаевым, Куремса являлся третьим сыном Орду-ичена (эджена), старшего брата Бату [13: 171. Сноска 141; 27: 156]. В то же время В.В. Трепавловым и А.А. Порсиным был поставлен под сомнение тезис о принадлежности наместника западных улусов к «золотому роду» потомков Чингис-Хана [28: 206; 29: 340. Сноска 133; 36: 31]. По мнению Л.В. Войтовича, Куремса, будучи представителем сословия служилой аристократии, являлся лишь «эмиром» Мауци [1: 9]. В свою очередь А.А. Порсиным высказывалось предположение о кыпчакском (половецком) происхождении Куремсы [28: 206–211], тогда как Ж.М. Сабитов, основываясь на сообщении египетской хроники «Субдат аль-фикра», идентифицирует Куремсу/Курмыши как внука монгольского нойона Чагана (тангута по происхождению) [25: 559].

Аналогичные разночтения возникают и в отношении родословной Мауци. Ряд исследователей идентифицируют Мауци как одного из сыновей Чагатая [1: 9; 3: 163; 10: 315; 23: 43; 27: 76, 156; 39: 168], причем Л.В. Войтович в своем исследовании ошибочно называет его зятем Бату [1: 9]. По мнению М.Г. Сафаргалиева и Б.В. Черкаса, Мауци/Могучей был одним из сыновей Джучи, имя которого в некоторых вариантах транскрипции звучит как Мувал/Могол [23: 42; 35: 109, 121, 150; 38: 159, 160]. В.В. Трепавловым было отмечено отсутствие четких свидетельств письменных источников о принадлежности Мауци к правящему роду Чингизидов [36: 31; 37: 154], что позволило некоторым исследователям высказать гипотезу о тождественности Мауци с эмиром Маджи (сына Курмыши, упоминаемом египетскими источниками в контексте событий войны Ногай и Токты) [25: 559; 28: 212].

Для разрешения вопроса о династической принадлежности вышеуказанных представителей монгольской управленческой элиты, представляется целесообразным провести комплексный анализ сообщений письменных источников, содержащих сведения о потомках Чингис-Хана, имена которых возможно было бы соотнести с именами упоминаемых Плано Карпини держателей улусов на западных рубежах Монгольской империи.

Исходя из информации, представленной в списках династических родословных Чингизидов, имя Курмыши носили представители двух ветвей «золотого рода», являвшихся правнуками основателя Yeke Mongyol Ulus. Помимо вышеупомянутого сына Орду-ичена, под этим же именем в «Джами ат-таварих» отмечен и один из сыновей Кадан-огула [34: 17]. Согласно сообщению Рашид ад-Дина, оба «царевича» не оставили потомства [8: 34; 34: 17]. Данное свидетельство ильханидского

«летописца» является основным аргументом, не позволяющим однозначно идентифицировать «татарского вождя» записок Плано Карпини как одного из вышеуказанных потомков «потрясателя Вселенной», поскольку мусульманские источники отмечают во второй половине XIII в. существование в западном крыле Золотой Орды улусов сыновей Курмыши [6: 61, 62].

Вместе с тем следует отметить, что информация о семейном положении Джучидов, представленная в трудах Рашид ад-Дина, в ряде случаев являлась не полной или ошибочной и не соответствовала истинному положению вещей. В частности, сообщение персидского хрониста об отсутствии сыновей у старшего сына Бату – Сартака [34: 72], опровергается свидетельством Гильома де Рубрука, лично посетившего ставку монгольского «принца» в 1253 г. Посланник французского короля отмечал наличие у этого представителя рода Джучи как минимум одного уже взрослого и женатого сына [29: 111]. В свою очередь, в хронике XV в. «Муиз ал-ансаб» отмечается наличие у Сартака двух сыновей – Хукджи и Тук-Тувы [9: 40, 41].

Аналогичным образом, приводя перечень сыновей Орду-ичена, Рашид ад-Дин указывает на отсутствие достоверной информации о жёнах и детях пяти из семи сыновей старшего Джучида, приводя противоречивые данные о наследниках мужского пола в семьях шестого и седьмого сыновей Орду – Кутукуя и Хулагу, а также применяя выражение, свидетельствующее о неточности представляемых сведений («А Аллах лучше знает») [34: 70, 71]. Принимая во внимание вышеприведенные примеры, допустимо предположить, что сведения Рашид ад-Дина о бездетности сыновей Орду-ичена и Кадан-огула являлись следствием недостаточной информированности хулагуидского сановника.

По мнению А.А. Порсина, важным фактором, не позволяющим идентифицировать Курмыши с упоминаемым в записках Плано Карпини и Ипатьевской летописи наместником западного крыла Улуса Джучи, является зафиксированный в источнике факт его участия в Каракорумском курултае (1260 г.) [29: 340]. Однако учитывая то обстоятельство, что в 1258 г. полномочия Куремсы были переданы Бурундаю, участие сына Орду-ичена, как представителя одной из ветвей «золотого рода», в курултае 1260 г. совершенно не исключает его «наместничества» на западных рубежах Монгольской империи в более ранний период времени.

Относительно молодой возраст Куремсы также не мог являться препятствием к получению военно-административной должности наместника пограничных территорий, поскольку соответствовал существовавшей в Монгольской империи традиции служения младших

представителей «золотого рода» на границах государства. В частности, согласно свидетельству Рашид ад-Дина, внук великого хана Угэдэя и сын Хайду Янгичар «ведал» «войском всей пограничной линии» на западном порубежье владений великого хана Хубилая [8: 30; 34: 14].

Таким образом, наместником земель, располагавшихся на западном пограничье Монгольской империи, мог быть назначен любой из двух представителей правящей династии, носивших имя Курмыши. Вместе с тем, учитывая отсутствие в источниках информации о наличии в Улусе Джучи владений Чингизидов, принадлежащих к другим «ветвям» «золотого рода», более предпочтительной является версия об идентификации Куремсы (Курмыши) как одного из сыновей Орду-ичена. Особого внимания заслуживает тот факт, что в приводимом Плано Карпини списке имён монгольских «вождей» Куремса и Мауци упоминаются в одном ряду с Берке и Бури, причем Куремсу папский дипломат обозначает как «самого младшего среди других» («царевичей» – Чингизидов – ?) [30: 45]. Подобная характеристика могла означать как возраст монгольского аристократа, так и его статус в иерархии правящей династии. Таким образом, сообщение Плано Карпини о «высшем» статусе Мауци по отношению к Куремсе [32: 70] может объясняться тем, что Мауци/Мувал, будучи одним из младших братьев Бату, являлся старшим родственником (дядей) Куремсы и, соответственно, занимал более высокое, по отношению к племяннику, положение в политико-административной системе Монгольской империи.

Исходя из вышеизложенной информации, следует признать достаточно обоснованной гипотезу Б.В. Черкаса, согласно которой Мауци/Мувал возглавлял западное «крыло» Улуса Джучи по аналогии с владениями Орду-ичена на востоке [38: 160]. Вышеуказанная версия украинского исследователя позволяет объяснить упоминаемые в Ипатьевской летописи некие ультимативные требования, предъявленные послами Мауци (Могучеем) правителям Галицко-Волынской земли в 1245 г.: «Приславшоу же Могучееви посоль свои к Данилови и Василькови бодоущу има во Дороговьскыи да и Галичь быс в печали велице...» [33: 805, 806]. Представляется крайне маловероятной возможность выдвижения такого рода требований правителю независимого государства со стороны представителя «служилой аристократии», не принадлежавшего к «золотому роду».

По мнению ряда исследователей, требование Могучея подразумевало переход галицких земель под прямое управление монгольских чиновников [2: 60; 4: 30; 24: 123]. В таком случае поездку галицкого князя в ставку Бату следует рассматривать как попытку нейтрализации военной угрозы, исходившей от влиятельного Чингизида, посредством

признания политической зависимости от верховного правителя Улуса Джучи на более выгодных для себя условиях. Косвенными аргументами в пользу данной гипотезы являются приведенные летописцем слова Даниила о решении ехать в ставку главы Джучидов с целью сохранения административного контроля над собственным уделом [33: 805, 806], а также отсутствие сведений о посещении галицким князем ставки Мауци, что являлось нарушением монгольского дипломатического этикета, подразумевавшего визит получившего приглашение правителя в ставку (орду) отправлявшего послание представителя «золотого рода» или служилой аристократии.

В частности, согласно сообщению Киракоса Гандзакецци, правитель Киликийской Армении Хетум I, получив вызов из ставки Бату «с приглашением приехать посетить его и Мангу-хана», по дороге посетил не только ставку правителя Улуса Джучи, но также ставки Байджу-нойона («военноначальника татарских войск расположенных на Востоке») и Сартака, старшего сына и наследника Бату [14: 222, 223]. Аналогичным образом в 1245 г. перед поездкой в ставку местоблюстительницы ханского престола – Туракины, владимирский князь Ярослав Всеволодович посетил орду Бату [32: 470]. Игнорирование правителем Галича вышеописанной дипломатической традиции может объясняться нежеланием Даниила Романовича принимать условия, озвученные в требованиях «могучеевых» послов.

Исходя из летописной информации о весьма благосклонном приеме, оказанном галицкому князю Джучидами: «Бывшу же князю у них 20 и 5 дней, отпущен бысть и поручена бысть земля его ему, иже бяху съ нимъ; и приде въ землю свою» [33: 805 – 808], можно сделать вывод о том, что владения Даниила получили статус вассального государства, расположенного на западной границе Улуса Джучи, соседствовавшего с враждебными монголам странами (Венгрией, Польшей, Литвой). По мнению А.А. Горского, статус княжества соответствовал типу зависимости, отличительными признаками которого являлись отсутствие переписей и института баскачества с одновременным участием галицко-волинских дружин в военных акциях Джучидов [2: 78; 7: 9]. К государственным образованиям, обладавшим подобным статусом, следует относить Киликийскую Армению, Грузинские «царства», Румский (Конийский) султанат, Корё, Бадахшан, Луристан и ряд других мелких владений [7: 9; 17: 107]. По всей вероятности, данный статус предполагал наличие ряда административно-политических преференций, косвенные свидетельства о которых в отношении Галицко-Волинского княжества прослеживаются в письменных источниках.

Так, южнорусские летописи отмечают сохранившуюся у Даниила Романовича возможность привлекать на военную службу кочевых

федератов («половцев Даниловых»). В частности, в Ипатьевском своде присутствует информация о наличии у правителя Галицкой земли отрядов союзных половцев орды Тигака: «В лето 6761 (1251)... Данило же поиде съ братом Василком... и съ Половци, со сватомъ своимъ Тегакомъ и приде к Пинску...» [33: 818]. Ввиду краткости летописного сообщения невозможно сказать с определенностью о том, было ли санкционировано властями Улуса Джучи участие половецкой конницы в военных операциях Романовичей против литовцев или же являлось следствием двусторонних договоренностей Даниила и Тигака (являвшегося родственником (сватом) галицкого правителя). Вместе с тем заслуживает внимания тот факт, что именно самовольное переселение половецкой орды Котяна в пределы Венгерского королевства стало причиной ультимативного послания, направленного от лица великого хана Угэдэя королю Белле IV с требованием изгнания куманов из Венгрии [45: 389]. Игнорирование Беллой IV этих требований привело к вторжению монгольских войск в земли королевства в 1241 г. [16: 27–42, 45–48, 54–57].

Кроме того, в летописных сводах отсутствует информация о переписных мероприятиях, проводимых монгольскими фискальными чиновниками на землях княжества, как во время общеимперской переписи 1257–1259 гг., так и в период джучидских «чисел» в 1245–1246 и 1274–1275 гг., а также не содержится сведений о пребывании в Галиче, Владимире-Волынском и других городах княжества ордынских фискальных чиновников – баскаков, за исключением сообщения Ипатьевской летописи о временном пребывании ордынского баскака в г. Бакота, располагавшемся в зоне военного противостояния Романовичей с Куремсой [33: 289].

Дополнительным свидетельством привелегированного статуса Романовичей в период с 1245 по 1253 г. является сообщение галицкого летописца о наличии у дружинников Даниила Галицкого монгольских доспешных комплексов во время т. н. Штирского похода (1252 г.): «Немцы же дивящися оружью Татарскому беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожаныхъ, и людье во ярыцехъ...» [33: 814]. Учитывая отсутствие информации об экспорте оружия из Улуса Джучи в сопредельные государства, а также наличие в Монгольской империи системы государственных арсеналов из которых оружие выдавалось военным начальникам для последующей раздачи подчиненным им воинам [12: 173], наиболее обоснованной представляется гипотеза о получении комплексов защитного вооружения во время посещения Даниилом ставки Бату как подарка галицкому князю в качестве подтверждения его особого, «союзнического» статуса.

На весьма номинальную степень зависимости Галицко-Волынского княжества от Джучидов указывает и факт военного противостояния Даниила Романовича с Куремсой в 1253/54–1258 гг. [33: 829, 838, 840]. Действия Даниила Галицкого и Василька Волынского в период «татарской рати» свидетельствуют не о «попытках ослабления кига» [24: 131], а о практически полном выходе Романовичей из системы политических договоренностей с Бату, заключенных Даниилом во время визита в «орду» правителя Улуса Джучи (1245 г.) и начале широкой военно-политической экспансии против городских общин, добровольно подчинившихся монголам («людей татарских»). В частности, согласно летописному сообщению, после отражения набега Куремсы «Даниль воздвиже рать противу Татаром, сгадав с братомъ и со сыномъ... взя Межибожие... потомъ же воевахуть людье Данилове и Василькове Болоховъ, а Львови Побожье и люди Татарския... и взя Гордок и Семоць и все города сидящие за Татары... Шварно же приде поймавъ города вся и по немъ придоша Белобережце и Чарнотинци и вси Болховци...» [33: 838].

По мнению Е.И. Ивановой, военные действия между Даниилом и Куремсой носили локальный характер и могли рассматриваться Бату как конфликт двух вассалов, не влиявший на поступления даннических выплат [11: 44]. Однако в сообщении летописи о поведении Даниила при подходе к границам княжества армии Бурундая в 1258 г. читаем: «Данилоуви владыче же приехавшю к Данилови (князю) и нача емоу поведати о бывшем и опалоу Боурандаевоу сказа емоу. Данилови же оубоявшоуся побеже в Ляхы а из Ляховъ побеже во Угры...» [33: 850]. Данная фраза является прямым свидетельством осознания галицким князем своего внешнеполитического статуса как правителя «ратного» монголам.

В результате проводимой Бурундаем политики, сочетавшей в себе методы военного давления с рядом дипломатических акций [26: 283–284; 33: 849, 850], в 1258–1259 гг. происходит повторное включение Галицкого и Волынского княжеств в государственную структуру Монгольской империи и Улуса Джучи на основе системы новых договоренностей.

Прибытие в ставку Бурундая волынского князя Василька и сына Даниила – Льва Даниловича, а также разрушение укреплений ряда городов и крепостей Галицко-Волынской земли, выполненное по требованию монгольского военначальника [33: 849, 850], по всей вероятности, следует связывать с повторным признанием Романовичами сюзеренитета великого хана и правителя Улуса Джучи – Берке. Подобные требования являлись неотъемлемым условием выдачи ярлыков добровольно покорившимся правителям. Так, по свидетель-

ству Джувейни, во время прохода войск Хулагу по землям Иранского нагорья (1256–1257 гг.), ряд местных владельцев явившись в ставку ильхана признали верховное владычество Чингизидов. При этом условием выдачи ярлыков на правление было требование монголов разрушить крепостные стены городов и замков: «В ту неделю прибыл Шамс ад-Дин, правитель крепостей Кухистана и попросил ярлык. После этого он вместе с чиновниками Рукн ад-Дина отправился в путь, чтобы начиная с Гирдкуха уничтожить все крепости, числом более пятидесяти, которые все еще оставались в области Кухистан... И явились правители из Дайламана, Ашкавара, Тарума и Харама. Они были приняты в число верных слуг государя и получив ярлыки, разрушили свои крепости» [5: 462–463]. Принятие Васильком Романовичем и Львом Даниловичем вышеуказанных условий позволило избежать разорения Галицко-Волынских земель, в то время как владения владимирского князя Андрея Ярославовича значительно пострадали во время т. н. «Неврюева рать» (1252 г.).

Следует отметить, что аналогичные военно-политические акции проводились в 40–50-х гг. XIII в. и в других частях Монгольской империи. В частности, по сообщению Ата-Мелика Джувейни, после избрания Гуюка великим ханом (1246 г.) «стало известно, что китайская страна Манцзы, которая была самой отдаленной его частью, освободилась от зависимости и перестала повиноваться им, он отправил Субутай-бахадур и Джаган-нойона с сильным войском и многочисленной армией в тот край; а также в Тангут и Солонкай...» [5: 177]. Также в начале правления великого хана Мункэ к «границам земель киргизов и кем-кемджиута» был отправлен Буку-нойон «с двумя туманами войска», с целью предотвращения волнений и восстаний на территориях проживания южносибирских племен [34: 138]. Таким образом, действия Бурундая вполне укладывались в общеимперскую практику повторного подчинения отложившихся или предпринимавших попытки освободиться от зависимости народов и государств.

Заслуживает внимания тот факт, что после событий 1258–1259 гг., вплоть до посольства отправленного в 1274 г. Львом Даниловичем к хану Менгу-Тимуру с просьбой о военной помощи «на Литву», ни русские летописи, ни зарубежные нарративные источники не отмечают политико-дипломатических контактов правителей Галицкого и Волынского княжеств с представителями монгольской правящей элиты [15: 152; 31: 152].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что выстраивание системы дипломатических отношений галицко-волынского княжеского дома с представителями династии Джучидов происходило на

протяжении достаточно продолжительного времени, нося поэтапный характер. На первоначальном этапе (1240–1245 гг.) круг дипломатических контактов Даниила и Василька Романовичей ограничивался локальным и эпизодическим взаимодействием с монгольскими «царевичами», владения которых непосредственным образом примыкали к территории Галицкого и Волынского княжеств. На втором этапе, после поездки Даниила Галицкого в ставку верховного правителя Улуса Джучи – Бату, отношения Романовичей с Джучидами стали носить характер мягкого вассалитета с сохранением ряда союзнических преференций. В период т. н. Татарской (Куремсиной) рати (1253/54–1258 гг.) Романовичи фактически выходят из системы договоренностей предшествующего периода, однако в результате военно-дипломатических акций Бурундая в 1258–1260 гг. происходит вторичное признание зависимости Галицко-Волынского княжества от Монгольской империи и Джучидов, сопровождаемое возобновлением даннических выплат и участием дружин Романовичей в военных кампаниях монголов против сопредельных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войтович Л.В.* Польский король Казимир III і боротьба за спадщину Романовичів // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2011. Вип. 46. С. 2–26.
2. *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 [157]. М., 2014. С. 58–80.
3. *Грушевский М.С.* История Украины-Руси. Т. III. Киев: Наукова думка, 1993. 592 с.
4. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1(35). С. 17–35. DOI: 10.17223/18572685/35/3
5. *Джувеини Ата-Мелик.* История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 689 с.
6. Золотая Орда в источниках. Т. I: Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. 448 с.
7. Исторический вестник. Монгольские завоевания и Русь. Т. 10 (157). М.: АНО Руниверс, 2014. 168 с.
8. Извлечения из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 28–55.
9. История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006а. С. 40–41.
10. *Измайлов И.Л., Исхаков Д.М.* Хан и аристократия: структура власти и

управления // История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середины XV в. Казань, 2009. С. 310–320.

11. *Иванова Е.И.* К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37–48.

12. *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruea tobeigan. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 622 с.

13. *Киракос Гандзакец.* История Армении. М., 1976. 357 с.

14. *Киселёв М.В.* Внешняя политика Даниила Галицкого на рубеже 1240-х – 1250-х годов // Исторический формат. 2015. № 4. С. 327–342.

15. *Куник А.А.* Объединительное введение к грамотам и летописным сказаниям, касающимся истории Червонной Руси в XIV в., с приложением подлинных текстов // Болеслав-Юрий, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. 1907. № 4. С. 143–159.

16. *Магистр Рогерий.* Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 304 с.

17. *Марко Поло.* Книга о разнообразии мира. СПб.: Азбука, 2018. 576 с.

18. *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментариев к Галицко-Волынской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.

19. *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Ч. 1 // ROSSICA ANTIQUA. 2012. № 1 (5). С. 33–94.

20. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь. Данные венгерских и русских источников о контактах Даниила с татарами // Русин. 2013. № (31). С. 53–77.

21. *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237–1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016а. С. 89–113.

22. *Майоров А.В.* Русские князья после нашествия Батыя: борьба за Галич и Киев // Stratum plus. 2016б. № 5. С. 49–56.

23. *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 279 с.

24. *Стефанович П.С.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–130 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134. DOI: 10.318557/S086956870005909-0

25. *Сабитов Ж.М.* Интерпретация сведений «Зубдат аль-фикра» в научном труде А.А. Порсина // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 552–561.

26. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 329 с.

27. *Почекаев Ю.В.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: Евразия, 2006. 350 с.

28. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

29. *Порсин А.А.* Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан, 2020. 424 с.

30. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 270 с.
31. Письмо Владислава Локетка папе Иоанну XXII от 21 мая 1323 г. // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси: сборник материалов и исследований. СПб., 1907. С. 152.
32. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 392 с.
33. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 938 стб.
34. Рашид ад-Дин. Сборник Летописей. Т. II. М.; Л., 1960. 248 с.
35. Тизенгаузен В.Г. СМІЗО. Т. I. СПб., 1884. 563 с.
36. Трепавлов В.В. Золотая Орда во второй половине XIV столетии. М.: Квадрига, 2010. 72 с.
37. Трепавлов В.В. Государственный строй Улуса Джучи. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 148–157.
48. Черкас Б.В. Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 157–179.
39. Юрченко А.Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-Хана по материалам францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 431 с.
40. Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae. T. 2, Nr. 150. Bratislaviae, 1987. P. 100–102.

REFERENCES

1. Voytovich, L.V. (2011) Pol's'kiy korol' Kazimir III i borot'ba za spadshchinu Romanovichiv [The Polish King Kazimir III and the struggle for the legacy of the Romanovites]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 46. pp. 2–26.
2. Gorskiy, A.A. (2014) Utverzhdenie vlasti Mongol'skoy imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti [The assertion of the power of the Mongol Empire over Russia: regional features]. *Istoricheskiy vestnik. Mongol'skie zavoevaniya i Rus'*. 10(157). pp. 58–80.
3. Grushevskiy, M.S. (1993) *Istoriya Ukrainy-Rusi* [History of Ukraine-Rus]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.
4. Dimnik, M. (2014) Daniil Galitsky, Mikhail of Chernigov and Tatars: the struggle for Galicia in 1239–1245. *Rusin*. 1(35). pp. 17–35 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/35
5. Ata-Malik Juvayni. (2004) *Istoriya zavoevatel'nykh mir* [Genghis Khan. History of the Conqueror of the World]. Moscow: Magistr-Press.
6. Anon. (2003) *Zolotaya Orda v istochnikakh* [The Sources on The Golden Horde]. Vol. I. Moscow: Nauka.
7. Gorskiy, A.A. (ed.) (2014) *Istoricheskiy vestnik. Mongol'skie zavoevaniya i Rus'* [Historical Bulletin. Mongol Conquests and Rus']. Vol. 10(157). Moscow: ANO Runivers.
8. Anon. (2011) Izvlecheniya iz "Sbornika letopisey" Rashid ad-Dina [Extracts from the "Collection of Chronicles" by Rashid ad-Din]. In: Gatin, M.S. (ed.) *Stanov-*

lenie i rastsvet Zolotoy Ord. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.) [Formation and flourishing of the Golden Horde. Sources on the history of Ulus Jochi (1266–1359)]. Kazan: The Center of Tatar Literature. pp. 28–55.

9. Suzhikov, B.M. et al. (eds) (2006) *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [The history of Kazakhstan in Persian sources]. Almaty: Dayk-Press. pp. 40–41.

10. Izmaylov, I.L. & Iskhakov, D.M. (2009) Khan i aristokratiya: struktura vlasti i upravleniya [Khan and the aristocracy: The structure of power and management]. In: Khakimov, R.S. (ed.) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars Since Ancient Times]. Vol. 3. Kazan: Institute of History. pp. 310–320.

11. Ivanova, E.I. (2013) K voprosu ob ordynskoy politike Daniila Romanovicha Galitskogo [On the the Horde policy of Daniel of Galicia]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2(52). pp. 37–48.

12. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongrol-un niruea tobeigan. Yuan' Chao bi shi. Mongol'skiy obyden-nyy izbornik* [The hidden legend. Mongol Chronicle of 1240 under the title Mongrol-un niruea tobeigan. Yuan Chao bi shi. Mongolian everyday izbornik]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

13. Kirakos Gandzaketsi. (1976) *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow: Nauka.

14. Kiselev, M.V. (2015) Vneshnyaya politika Daniila Galitskogo na rubezhe 1240-kh – 1250-kh godov [The foreign policy of Daniel of Galicia at the turn of the 1250s]. *Istoricheskiy format*. 4. pp. 327–342.

15. Kunik, A.A. (1907) Ob'edinitel'noe vvedenie k gramotam i letopisnym skazaniyam, kasayushchimsya istorii Chervonnoy Rusi v XIV v., s prilozheniem podlinnykh tekstov [Unifying introduction to the Charters and Chronicles concerning the history of Chervonnaya Rus in the 14th century, with the application of authentic texts]. In: Goneiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: a collection of materials and research]. Vol. 4. Yo-yo Media. pp. 143–159.

16. Master Roger. (2012) *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [A sad song about the destruction of the Hungarian kingdom by the Tatars]. Translated from Latin. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

17. Marco Polo. (2018) *Kniga o raznoobrazii mira* [A Book about the Diversity of the World]. Translated from French. St. Petersburg: Azbuka.

18. Maiorov, A.V. (2009) Letopisnye izvestiya ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentariiev k Galitsko-Volynskoy letopisi) [Chronicles about the defense of Chernihiv from the Mongol-Tatars in 1239 (From the comments to the Galicia-Volyn chronicle)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN*. 60. pp. 311–326.

19. Maiorov, A.V. (2012) *Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoy letopisi* [The Tale of Batu's Invasion in The Hypatian Codex]. *ROSSICA ANTIQUA*. 1(5). pp. 33–94.

20. Maiorov, A.V. (2013) Daniel of Galicia and the “Prince of Tartar” before the invasion of Batu in South Russia. *Rusin*. 31. pp. 53–77 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/31/4

21. Maiorov, A.V. (2016) Zavoevanie russkikh zemel' v 1237–1240 godakh [The conquest of Russian lands in 1237–1240]. In: Trepavlov, V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in the World History]. Kazan: AS RT. pp. 89–113.

22. Maiorov, A.V. (2016) Russkie knyaz'ya posle nashestviya Batyya: bor'ba za Galich i Kiev [Russian princes after the invasion of Batu: The struggle for Galich and Kiev]. *Stratum plus*. 5. pp. 49–56.

23. Linnichenko, I.A. (1907) Zamechaniya na stat'yu prof. Rzhezhabka i dopolneniya k nim [Comments on the article by Prof. Rzhezhabko and additions to them]. In: Goneiiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: A collection of materials and research]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 90–100.

24. Leontovich, F.I. (1894) *Ocherki istorii russko-litovskogo prava. Obrazovanie territorii Litovskogo gosudarstva* [Essays on the history of Russian-Lithuanian law. The formation of the territory of the State of Lithuania]. St. Petersburg: [s.n.].

25. Safargaliev, M.G. (1960) *Raspad Zolotoy Ordyy* [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mord. kn. izd-vo.

26. Stefanovich, P.S. (2019) Politicheskoe razvitie Galitsko-Volynskoy Rusi v 1240–130 gg. i otnosheniya s Ordoy [Political development of Galician-Volhynian Rus' in 1240–130 and relations with the Horde]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 116–134. DOI: 10.318557/S086956870005909-0

27. Sabitov, Zh.M. (2020) Interpretatsiya svedeniy “Zubdat al'-fikra” v nauchnom trude A.A. Porsina [Interpretation of the information “Zubdat al'-fikra” in the scientific work of A.A. Porsin]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 8(3). pp. 552–561.

28. Pashuto, V.T. (1950) *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the history of Galician-Volhynian Rus]. Moscow: USSR AS.

29. Pochekeyev, Yu.V. (2006) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Khan, who was not Khan]. Moscow: Evraziya.

30. Porsin, A.A. (2018) *Istoriya Zolotoy Ordyy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri “Zubdat al-Fikra”* [The history of the Golden Horde of the late 13th – early 14th centuries in Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri's “Zubdat al-Fikra”]. Kazan: AS RT.

31. Porsin, A.A. (2020) *Berke. Musul'manin na mongol'skom trone* [Burke. A Muslim on the Mongolian throne]. Nur-Sultan.

32. Carpini, P. & Rubruck, G. (1957) *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury.

33. Lokietek, W. (1907) Pis'mo Vladislava Lokietka pape Ioannu XXII ot 21 maya 1323 g. [Letter of Wladyslaw Lokietek to Pope John XXII of May 21, 1323]. In: Goneiiorovskiy, O.A. *Boleslav-Yuriy, knyaz' vsej Maloy Rusi: sbornik materialov i issledovaniy* [Boleslav-Yuri, prince of all Little Rus: A collection of materials and research]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 152.

34. Karsky, I.F. (ed.) (1926–1928) *Lavrent'yevskaya letopis'* [The Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: [s.n.].

35. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1908) *Ipat'evskaya letopis'* [Hypatian Codex].

In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Leningrad: [s.n.].

36. Anon. (1848) *Novgorodskaya 4-ya letopis'* [Chronicles of Novgorod]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg: E. Pratz.

37. Kisterev, S.N. & Timoshina, L.A. (eds) (2000) *Sofiyskaya 1-ya letopis'* [The Sofia First Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg: YaRK.

38. Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. I(2). Translated from Persian by L. Khetagurov. Moscow: Leningrad: [s.n.].

39. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Translated from Persian by L. Khetagurov. Moscow: Leningrad: [s.n.].

40. Tizengauzen, V.G. (1884) SMIZO. Vol. I. St. Petersburg.

41. Trepavlov, V.V. (2010) *Zolotaya Orda vo vtoroy polovine XIV stoletii* [The Golden Horde in the second half of the 14th century]. Moscow: Kvadriga.

42. Trepavlov, V.V. (2016) *Gosudarstvennyy stroy Ulusa Dzhuchi. Administrativnoe ustroystvo. Organizatsiya upravleniya* [The state system of the Ulus of Jochi. The administrative structure. The management organization]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 148–157.

43. Tulibaeva, Zh.M. (2018) *Mirza Ulugbek o Chingizidakh na trone Irana: pravlenie Uldzhaytu-khana i Abu-Saida Bakhadur-khana* [Mirza Ulugbek on the Genghisids on the throne of Iran: the Rule of Uljaitu Khan and Abu-Said Bakhadur Khan]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 6(2). pp. 422–438. DOI: 10.22378/2313-61972018-6-2.422-438

44. Cherkas, B.V. (2016) *Territorial'noe ustroystvo Ulusa Dzhuchi (territoriya zapadnee Dona)* [Territorial structure of the Jochi Ulus (territory to the west of the Don)]. In: Trepavlov, V.V. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 157–179.

45. Khaudala R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany". Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of the Indies" to "the hated plebs of Satan." An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan: AS RT.

46. Yurchenko, A.G. (2002) *Imperiya i kosmos. Real'naya i fantasticheskaya istoriya pokhodov Chingis-Khana po materialam frantsiskanskoy missii 1245 g.* [Empire and Space. The Real and Fantastic History of the Campaigns of Genghis Khan Based on the Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: Evraziya.

47. Slovakia. (1987) *Codex diplomaticus et epistolaris Slovaciae*. Vol. 2(150). Bratislavae: [s.n.]. pp. 100–102.

Леонид Вячеславович Воротынцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Россия).

Leonid V. Vorotyntsev – Yelets State University I.A. Bunin (Russia).

E-mail: leonrus1245@mail.ru